

ПСИХОЛОГИЯ ЭНЕРГИЙНОСТИ И ПРАЗДНИЧНАЯ СТИХИЯ

СВЯЩЕННИК БОРИС НИЧИПОРОВ

Скоро в свет выйдет книга православного пастыря и профессионального психолога, кандидата психологических наук о. Бориса Ничипорова «Психология энергийности и праздничная стихия». Предлагаем вниманию читателя фрагменты из этой книги.

ПОСТУПОК – ДИАЛОГ – ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Когда М.М.Бахтин говорит о поступке, он чаще всего произносит слово «ответственность». Для него ответственность – это осознание личностью своего «не алиби в бытии» (Бахтин М.М. Философия поступка). И действительно: осуществить ответственный поступок – значит «взять на себя» меру риска и неопределенности последствий, преодолеть в самой акции принятия решения страх наказания, высветить себя центром напряжения и состоятельности, выделиться из безличной «МОЛВЫ».

Нет поступка вне современности, нет поступка вне «здесь и теперь». Нет поступка «вообще» плохого и «вообще» хорошего. Следствие и суд по поводу поступка – это ответы на вопросы о «единственности» (М.М.Бахтин) поступка: кто совершил? в какой ситуации? И только «докопавшись» до этой самой точки смысла, мы сами будем «сметь», иметь право связать «этот» поступок с общими нормами, т.е. трансцендировать поступок в моральную нормированность.

Нам не придет в голову сказать: «Эту кражу совершило его бессознательное» или «Замуж выходит не она, а ее «сверх-Я». Кражу совершил *он*, а замуж выходит *она*. В поступке – весь человек. Именно через поступок мы узнаем *поступь*, характер и сущность *своей* уникальности и уникальности *другого*.

Есть два ракурса: душа сложна и многослойна, таинственна и непредсказуема. И – душа проста. «По плодам их узнаете их», говорит Господь. Именно через поступок мы имеем право рефлексивно реконструировать душу как простое и цельное образование. Поступок снимает оппозиции «сознательное-бессознательное», «сверх-Я и Я».

Нет нейтральных поступков. Взять ложку, постучать в дверь или так и не постучать, как это сделал, скажем, Л.Н.Толстой незадолго до смерти, когда подошел к келье старца Варсонофия, – все эти простые действия по своему смыслу могут быть «поступающими» (М.М.Бахтин). Поступок всегда нравственно окрашен. Всякий поступок либо опускает нас вниз по нравственной шкале координат, либо поднимает.

Любой поступок рождается. Он рождается из *душевного хаоса* (внутренний план) и из *житейской суеты* (внешний план). Хаос и суета – это область проб и ошибок, ложных «замахов» и житейской руды. Поступок может родиться, а может и нет...

Всякий знает, что *эта* мысль (скажем, признание в себе гордыни), которую «я» принял сердцем, – есть уже поступок. А вот действие, которое *все* (молва) оценили как геройство и подвиг – на самом деле для меня «суета сует и всяческая суета». Так бывает сплошь и рядом.

Сомнение и борьба (внутренняя и внешняя) есть предтечи поступка. Сомнение рождает убежденность, сомнение же, к сожалению, может перерасти в характер, о том числе и патологический (психастения).

Что же есть ответственность, когда мы говорим о внутреннем плане сознания и личности?

Ответственность изнутри – это готовность своим *голосом* (как я есть) начать диалог с голосами совести, Другого и подголосками двойников. Но подлинную ответственность надо отличать от дерзости и хамства (Сцилла) и малодушия и трусости (Харибда). Диалог, который я веду духом мужества правды и выстраданности, дает мне наконец *Право*. То есть теперь – это мой голос из точки, где сходятся два горизонта там, где я вижу внутренний разлом, схизис. Значит, я был у самого истока *этого* поступка или *этого* дела.

Поступок любви есть правдивый поступок. Поступок лжи и ненависти, гнева и блуда есть грех.

Деструктивность хаоса и суеты есть всего лишь ошибка в жизнедеятельности. Суд совести и Страшный Суд – это суд прежде всего поступков и над поступками. Всякая личность, состоявшись, мистически знает – что Суд есть, Суд будет.

Еще один вывод необходимо сделать в этом контексте. Для психоаналитической ортодоксии невозможно представить себе, что в «Оно», в бессознательном, в глубинах может оказаться нечто святое и высокое, что *там* есть не только вытесненная сознанием душевная грязь. Аскетическое знание открывает нам принципиально иной опыт. Коротко его можно обозначить через утверждение Макария Великого – в глубинах

сердца, на дне его сокрыт и Бог, и демон. Различая знания и бессознательные душевные содержания, мы постулируем как бы два ракурса осведомленности личности о самой себе. Мы вынуждены антиномически утверждать:

1. Личность многого не знает о себе;
2. Личность все знает о себе.

Все бессознательные содержания таинственным образом ведомы личности. И есть откровения и особые состояния, пронизывающие всю личность, когда ей вдруг самой становится ясно *о себе все*. Это открывается через состояния либо радости и праздника, который проецируется на Праздников Праздник – это Пасха *моего* сердца, где я преодолеваю *свою смерть, свою дебелисть*, либо, напротив, через глубинную скорбь, которая разрыхляет душу и восстанавливает ее простоту и единство... И в этом смысле нет такого поступка, за который я не нес бы ответа.

СИНЕРГИЙНАЯ ДУШЕВНАЯ ТОПОГРАФИЯ

Душа имеет свою *топику* и *глубину*. О глубине души говорит нам Священное Писание и святоотеческая традиция. Это подтверждает и вся психоаналитическая традиция. Еще Гераклит писал: «Границ души не отыскать, по какому бы пути ты не пошел: столь глубока ее мера». Человек молится Богу: «Из глубины взываю к Тебе» (Пс. 129, 1). Он же кается и в скорби взывает: «Я погряз в глубоком болоте...» Премудрый Соломон обнадеживает нас: *Помыслы в сердце человека – глубокие воды, но человек разумный вычерпывает их* (Пр. 20, 5).

И второе топическое понятие, необходимое нам, – *высота*. Она имеет два противоположных значения.

1. Высота – это символ человеческой гордыни и самоистуканства. Это – Вавилонская башня богоборчества и вызова Богу.

Недаром Господь говорит в Пятикнижии: *Разорю высоты ваши* (Лев. 26, 30) и в другом месте: *Униженное возвысится и высокое унижится* (Иез. 17, 23).

2. И второе – это, напротив, образ духовных достижений и вообще – самой духовности.

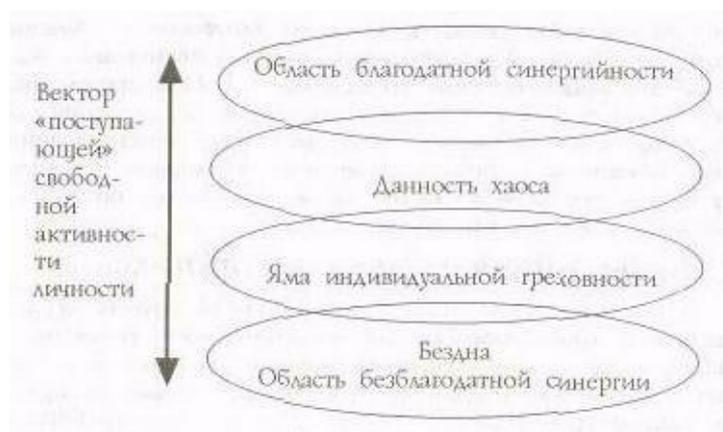
Мы говорим о ком-то: *он живет высокой духовной жизнью*. Мы размышляем о Боге и вспоминаем Его слова: *Небо выше земли, пути Мои выше ваших* (Ис. 55, 9).

Но в определенном рефлексивном ракурсе эти два понятия сходятся и становятся лишь образами, ибо человек *высокой* духовности не может не быть *глубоким*. В данном случае – это почти синонимы.

Теперь попытаемся ввести динамические качества энергийной (или синергийной) топографии, наполнить ее содержанием. Другими словами, нам необходимо ввести *топологию энергийного качества* (см. табл.1).

Таблица 1

Топография синергийного качества

Сначала необходимо описать верхнюю синергийную область. В соответствии с позицией св. Григория Паламы это будет область (и полюс) благодати, область благодатной энергии. Это область совместного участия Бога и духовных (молитвенных и деятельных) усилий личности, которые она употребляет к стяжанию благодати и ее качеств. Я *могу* быть причастен или, напротив, чужд этой сфере, *могу* синергировать, *могу* и нет.

Противоположный полюс – это полюс безблагодатной синергийной области. Мы предлагаем называть эту область – *бездна*. Бездна – это ад в душе, это *сознательное и вольное* введение демонической энергии в душу. Бездна синергирует с адом и его обитателями. Из этой бездны берут начало план, проект, замыслы нашей душевной гибели.

Бездна имеет воронкообразную, «утягивающую», вовлекающую топику. Бездна – это энергийная основа нашей низости. Бездна – это зеркало, обезьяна благодати. Ничего своего, самобытно творческого бездна родить не может. Она может лишь зеркально *обернуть* качество благодатного синергирования.

В одной из песен современного церковного поэта иеромонаха Романа есть такой призыв: «Остави отражение тоски». Это призыв к началу внутренней брани, *выхода* из бездны.

Эмоционально-волевое выражение (содержание) бездны в аскетической практике именуется страстью. Предельная низкая точка бездны есть онтологическое, а не эмоциогенное только состояние. Там, в этой точке я абсолютно одинок.

Онтология одиночества не может быть описана через такие внешние характеристики, как скудость общения или, скажем, замкнутый характер. Одиночество *не есть* всегда отсутствие душевного тепла, по отношению *ко-мне-одинокому*. Одиночество *не есть* физическое уединение, ибо можно сидеть в затворе, но *быть с людьми и знать* их боль и молить Бога о смягчении их страданий. Одиночество в своем пределе есть свободное

отвержение Посредника между мной и людьми. Посредник есть Бог. Посредник также примиряет меня внутри самого себя.

Мы уже говорили: бездна – это ад в душе. Это нижнее *место* в душе. Это место муки, некоторого душевного огня. Огонь, однако, сочетается не с теплотой, которая греет, а с тем пламенем, который выжигает. Здесь стоит вспомнить, что выражение «*кромешний*» происходит от славянского «*кромé*», то есть «вне» – вне благодати, вне света, вне тепла... По отношению к душевной онтологии это то, что *не-есть*. Это состояние самозабвения и неузнанности самого-себя-в-себе, состояние «потерянности».

Мы уже говорили, что это зеркальное отражение, «обернутое», не-творческое *место*.

*И в этот час в пустые сени
Войдет подобие лица,
И будет в зеркале без тени
Изображенье Пришлеца.*

Так об этом у А.Блока.

В качественном залоге – это царство, где умирает всякое положительное начало, это мир *ни-каковости*, без-видности. Ад, Аид, в буквальном переводе значит «*безвидный*».

В силовом энергийном смысле – это вовлекающая в себя, затягивающая, манящая воронкообразная область. Если не по содержанию, то по форме Дантовы круги ада легко транспонируются в душевную реальность... Эта реальность сочетается с холодом (мир Снежной Королевы). Вообще мистика круга типична для осознания, оформления душевных содержаний. Но этот круг – порочный, однообразный, доводящий до глубинной безысходной тоски. Вспомним тоже блоковское:

*Ужасен холод вечеров,
Их ветер, бьющийся в тревоге
Несуществующих шагов.
Холодная черта зари –
Как память близкого недуга
И верный знак, что мы внутри
Неразмыкаемого круга.*

Это деструктивность смерти, *активность умирания*. И опять блоковское из характерно названного стихотворения «Обреченный»:

*И в какой иной обители
Мне влачиться суждено,
Если сердце хочет гибели
Тайно просится на дно.*

Одной из самых сокровенных тайн души является ее сложность (структурированность, многослойность) и ее простота одновременно. Я

говорю: «мне плохо», но не «плохо моему бессознательному», или «мне плохо в таком-то месте». Все это отбрасывается, и «мне просто сейчас плохо» (или, напротив, «радостно и светло»). *Душа как бы одна*. Она проста. И в каком-то смысле различные эмоциональные состояния – это *декорирование всей моей души* в различные цвета и краски. А затем – смена декораций и другое состояние. Скажем больше! – Весь психоматический состав человека есть простая целостность и единовременно, всегда самоощущающая себя данность.

Теперь необходимо описать и ввести энергийное качество, из которого рождается *нечто*, описать сам материал, *первотенцию нашей индивидуации*. Назовем его *энергийный хаос*. Мы вводим это понятие сознательно, понимая, какая традиция тянется за этим «старым» словом.

Хаос – это способности и таланты, наследственность и потенции. Это материал для строительства личности. Это и *libido*, аффект жизни (Фихте), стремление к воспроизводству. Но это все не облагорожено, не рефлексивно. Это зерно, в котором в миниатюре уже дано *все*. Но это *все* надо реализовать в дальнейшей энергийной работе. Хаос не есть энергия и не плод сотрудничества. Это безликий материал, не освоенный волей и способностями личности. Это инициации и коллективного бессознательного, которые воздействуют и как бы просятся к транспонированию их в индивидуальные («мои») содержания сознания. Хаос – черновик личности. Хаос – это пугающая, но и обнадеживающая неопознанная реальность «*крови*». («Это в ней вдруг заговорила кровь ее бабушки-грузинки».)

*Когда заулыбается дитя
С развилкой и горечи и власти,
Концы его улыбки, не шутя,
Уходят в океанское безвластье,*

– писал О.Мандельштам.

На угрожающие провокации хаоса указывает нам и Ф.Тютчев:

*О, бурь уснувших не буди
Под ними хаос шевелится...*

«Бури» – это не есть хаос. По-видимому, это страдания, потрясения и конфликты. Так вот: «хаос шевелится» *под* ними.

Область *благодати* и *бездна* есть области различных духовных начал. И понятно, существуют разные способы проникновения в эти области. Это может быть молитвенная, добродетельная, подвижническая жизнь, либо, напротив, жизнь через усугубление пороков и отчаянья.

Но существует еще четвертая область – область некой данности *моего греха, моей низости, моей несостоятельности, моей немощи*. Это та данность, которая сокрыта в моем естестве.

Так, на фоне естественной характерной медлительности и тугоподвижности у одного человека постепенно формируется лень и

безответственность. А живость и высокая степень переключаемости формирует у другого гневливость и раздражительность характера.

Должно пройти время, пока я, пусть не в полноте, буду *узнан самим собой*, проявлю *недовольство самим собой*, пойму совершенную невозможность с *«понедельника начать новую жизнь»*. (Новая жизнь в сфере христианской культуры вообще не может начаться «с понедельника». Новая жизнь начинается с воскресенья, в храме.) Тогда же мне откроется *моя психоматическая греховная дебелисть*.

Это не только Адамово наследие падшести, но и моих родителей, а ныне – в превращенных формах психосоматической индивидуации – ныне *это все мое*.

*Дано мне тело,
Что мне делать с ним,
Таким единым
И таким моим,*

– писал О.Мандельштам.

Это же самое мы могли бы сказать и о собственной личности и собственном характере.

Эту *четвертую* синергийную сферу в рабочем порядке я называю *ямой индивидуальной греховной немощи*.

Сидя в своей яме, мы открываем массу просто завораживающих возможностей. Мы, во-первых, можем полюбить это сидение. В одной молитве говорится, что я, Господи, к сожалению, постоянно, как *пес, возвращаюся на свою блевотину*.

Можно карабкаться и выбираться из ямы в сферу Света и Любви, можно как бы «пробивать» днище ямы и пытаться впустить туда энергию бездны и отождествиться с бездной.

* * *

В этой книге много стихов. Талантливый и великий стих – это сама *стихия* души, ткань жизни, ее глубина и драма, темп и дыхание...

Наша психология должна войти в постижение таких понятий, как *благодать и отрада, покой и тишина, утешение и радость, отчаянье и надрыв, страдание и обновление...* Наша психология должна стать отечественной делом и истиной. Только тогда ее будут понимать и уважать другие народы. Пока же она чужда духа преподобного Сергия и Пушкина, мистически она не знает Чехова и Солженицына, она не имеет никакого отношения к Пастернаку и Высоцкому, она не интуитирует вместе с Ахматовой и Бродским.

Нам необходимо не только изучать драму жизни, но самим проживать ее в трудах на ниве совершенствования собственного сердца.